

Когнитивные метафоры и сравнения в удмуртских загадках о пчелах

<https://doi.org/10.31483/r-109039>

УДК 811.511.131:398.61

Душенкова Т. Р.

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
г. Ижевск, Российская Федерация.

 <https://orcid.org/0000-0002-2514-7143>, e-mail: dushenkovatr@mail.ru

Резюме. Работа посвящена рассмотрению загадок о пчелах в удмуртской языковой культуре. Статья ставит целью изучение сравнений и метафор, а также анализ образа насекомого в загадках. Материалом послужили загадки, нашедшие отражение в специальных фольклорных изданиях и лексикографических источниках. В ходе анализа использовались лингвокультурологический, семантический, этимологический, концептуальный методы. В результате исследования выявлено, что образ пчелы в загадках представлен в виде сложных метафор, сравнений и эвфемизмов. Пчела и улей в удмуртской культуре раскрываются в разных категориях. Улей чаще всего соотносится с домом, ямой и сьюльком (женским головным убором). Звуки, издаваемые пчелой и пчелиной семьей, сравниваются с плачем младенца, скулением собаки, рычанием мотора. Сама пчела или пчелиная семья народной фантазией ассоциируется с невесткой, которой горестно расставание с родителями и с ожиданием тягот в новой семье. Для загадок о пчелах характерно сравнение с огромным количеством народа или со стадом овец. В количественном соотношении звук или гул пчелиного улья соотносится с сотней или тысячей. Наряду с плачем вылет пчел из улья сравнивается с просеиванием муки. В сказках также нашло отражение умение пчелы жалить, строить соты, делать мед.

Ключевые слова: сравнение, метафора, удмуртский язык, загадка, пчела.

Для цитирования: Душенкова Т. Р. Когнитивные метафоры и сравнения в удмуртских загадках о пчелах // Этническая культура. 2024. Т. 6, № 1. С. 8–12. DOI 10.31483/r-109039. EDN ZANPKK

Cognitive metaphors and comparisons in Udmurt riddles about bees

Tatiana R. Dushenkova

 Udmurt Federal Research Center, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation.

 <https://orcid.org/0000-0002-2514-7143>, e-mail: dushenkovatr@mail.ru

Abstract. The work is devoted to the consideration of riddles about bees in the Udmurt linguistic culture. The article aims to study comparisons and metaphors, as well as analyze the image of an insect in riddles. The material was riddles reflected in special folklore publications and lexicographic sources. During the analysis, linguoculturological, semantic, etymological, and conceptual methods were used. As a result of the study, it was revealed that the bee in riddles is presented in the form of complex metaphors, comparisons and euphemisms. The bee and the hive in Udmurt culture are revealed in different categories. The hive is most often associated with a house, a pit and a syulyk (a woman's headdress). The sounds made by a bee and a bee colony are compared to the crying of a baby, the whining of a dog, or the growling of a motor. The bee itself or the bee family is associated in popular fantasy with a daughter-in-law, who is sad about parting with her parents and expecting hardships in the new family. Riddles about bees are typically compared to a huge number of people or a flock of sheep. In quantitative terms, the sound or hum of a beehive corresponds to a hundred or a thousand. Along with crying, the flight of bees from the hive is compared to sifting flour. Fairy tales also reflect the bee's ability to sting, build honeycombs, and make honey.

Keywords: comparison, metaphor, Udmurt language, riddle, bee.

For citation: Dushenkova T. R. (2024). Cognitive metaphors and comparisons in Udmurt riddles about bees. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 6(1), 8–12. EDN: ZANPKK. <https://doi.org/10.31483/r-109039>.

Введение

Настоящая работа представляет актуальное исследование в рамках антропоцентрического знания о мире. Анализ загадочно-когнитивных культурологических позиций объясняет метафорическое устройство загадки как знака языка и культуры.

В традиционных загадках отражены исходные представления о мироустройстве¹. Они участвуют в формировании у детей взгляда на окружающий мир. Загадывание очень важно для

1 «...Мифы постепенно превращались в народный героический эпос и сказки, ритуал загадывания космогонических загадок – в состязание находчивости, остроумия, словесной бойкости и, в конце концов, стал развлечением, детской забавой...» [Мечковская Н. Б. Язык и религия : лекции по филологии и истории религии : учебное пособие. Москва : Агентство «Файр», 1998. С. 87].

воспитания у малышей и детей младшего школьного возраста пытливости ума, находчивости и сообразительности. Загадка воспитывает умение мыслить, сопоставлять, анализировать, развивает воображение. При помощи загадки ребенок учится классифицировать состав мира, начинает понимать и осознавать принципы его организации [Топоров, 1994, с. 29²]. Кроме того, они выполняют воспитательную и дидактическую функции.

В народной традиции загадки загадывали в определенный период, например, на святки.

Загадывание и отгадывание их осуществляется с опорой на языковые и культурные знания. Культурная информация изначально входит в семантику

2 Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. Москва : Индрик, 1994. С. 10–117.

загадки через разные образы, которые насыщают ее необходимым содержанием.

В загадках, как правило, дается усложненное описание одного предмета через другой. «Отгадывающим необходимо установить связь между далекими друг от друга сущностями, распознать под маской преобразованного денотата исходный денотат» [Ковшова, 2019, с. 76].

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили удмуртские загадки о пчелах, собранные путем выборки из сборников загадок и лексикографических источников³.

В качестве основного метода был избран лингвокультурологический анализ с элементами семантического, этимологического и сопоставительного подхода.

Цель статьи – рассмотреть удмуртские загадки о пчелах, задачи – выявить сравнения и метафоры в загадках, разобрать образ насекомого в контексте изучаемого жанра.

Результаты исследования и их обсуждение

В традиционной культуре удмуртов пчеловодство и борничество занимали особое место среди разных видов сельскохозяйственной деятельности. Их роль рассмотрена в работах многих ученых [Никитина, 1991⁴; Владыкин, 1994⁵; Верещагин, 1886⁶; Верещагин, 1889⁷]. Большой интерес в научном плане представляет коллективная монография «Пчела и мед в народной культуре» [Пчела, 2023], в которой данная тема освещена с разных позиций. В указанной книге определяется роль пчеловодства в традиционной и современной культуре, разобран предметный мир пчеловодства, рассмотрена роль пчелы и меда в мифологии, народных представлениях, текстах, в борничьих напевах, современном искусстве и массовой культуре. Непосредственно языковой раздел монографии, связанный с лексикой пчеловодства, написан В. К. Кельмаковым [Кельмаков, 2023].

Разные языковые единицы (фразеологизмы, сравнения, метафоры) и фольклорные тексты (загадки, детские заклички) зафиксировали, сохранили и донесли до настоящего времени многообразие древних представлений удмуртов о пчелах и всего того, что с ними связано. В загадках образ насекомого зашифрован в виде когнитивных метафор и сравнений.

В традициях многих народов пчела является наиболее почитаемым насекомым. У марийцев *мўкш* 'пчела' –

3 Удмуртский фольклор: загадки / составитель Т. Г. Перевозчикова. Ижевск : Удмуртия, 1982. 254 с.; Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008. 925 с.

4 Никитина Г. А. Пчеловодство у удмуртов в конце XIX – начале XX века // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX веках. Ижевск, 1991. С. 87–98.

5 Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск : Удмуртия, 1994. 383 с.

6 Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края. Санкт-Петербург, 1886. 218 с. (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии ; том 14, выпуск 2.).

7 Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губ. Санкт-Петербург : Типография И. Н. Скороходова, 1889. VII, 197, [1] с. (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии ; том 14, выпуск 3).

божественная птичка, *юмын икшыве* 'дитя бога'⁸. Убить пчелу у них считалось большим грехом. Пчеловодам предъявляли высокие моральные требования. Жрецы раздавали им одежду и ткань на нее. Ухаживать за пчелами надо было исключительно в белой одежде. Продажа ульев на сторону осуждалась. Во время общественных, семейных и родовых жертвоприношений просили у богов благословения на пчел и изобилие меда. Пчела у марийцев – основа существования, дарованная богами.

Согласно чувашскому мифу, первоначально пчелы (*хурт*) жили в волосах бога, поэтому у некоторых растений есть ость, как жало пчелы, а другие кучно свисают, как пчелиный рой. От сглаза на улей клали череп животного, на забор – череп лошади; запрещалось разрушать улья. В жертву пчелиным богам приносили пиво и мед. У чувашей тоже действовал запрет на убийство пчелы. По их поверьям, из закопанных мертвых пчел появлялись зелень с колосьями. Одни растения были покрыты жалами, как у пчел, на других зерна были подобны рою пчел. Осенью вырастали зерна, так появлялся хлеб вместе с медом. Печь его людей научил *чёрён* 'еж'⁹.

В башкирском фольклоре *корт*¹⁰ 'пчела' является не только мифологизированным насекомым, но и тотемом и покровителем. Часть башкир поклонялась пчеле.

В русских загадках пчелы описываются как незамужние девицы и монахини: *Сидят девицы в темной темнице, вяжут сетку без иглы, без нитки; Сидит монашенка, вяжет сеточку*. В русском фольклоре, связанном с пчелами, также находит выражение мотив непорочного зачатия¹¹: *Не девка, не вдова, не замужня жена, детей выводит*¹².

Не стоит забывать, что свечи из воска дают свет в церкви: *Всех людей питают и в церкви освещают*. Предметы, которыми пользуется невестка, девица, монашенка, – сито, решето, сетка, узоры – визуально напоминают пчелиные соты.

Пчела у удмуртов – символ усердия, трудолюбия, благоразумия, бережливости (ср.: *муш кадь ужась 'работящий, как пчела'*), *муш аслыз гинэ мушкиськыны уг ужа* 'пчела работает не только для себя'). Они связаны с позитивной энергией, символизируют нечто приятное, так как производят мед. Для человека пчелы являются положительным примером в плане организации своей деятельности. Считается, что они водятся только у добрых людей, а злых не любят.

8 Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология : этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2015. С. 173.

9 Чувашская мифология : этнографический справочник. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2018. С. 218).

10 Слово связано с общетюркским *qurt* 'червь, пчела' (см.: Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. Москва : Наука, 2010. С. 191).

11 В славянской культуре пчела наделялась женской и богородичной символикой (см.: Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 томах / под редакцией Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 2009. Том. 4. С. 366–369). В ее образе русские видели чистоту, святость, девственность и безбрачие. В западноевропейской традиции пчела символизирует Деву Марию как источник всяческой сладости, в этом появляется уже эротическая символика. Медовый спас, отмечающийся в августе, – это усение Пресвятой Богородицы. Среди пчеловодческих праздников особенно почитается день зачатия св. Анны (9 / 22 декабря).

12 Славянские древности... С. 368.

Особый статус пчелы уже становился объектом научных исследований в удмуртологии [Владыкина, 2016; Ванюшев, Степанова, 2019]. Пчеле приписывались мудрость, магическая сила, которая более ни одному насекомому не присуща. Связаны они с этиологическими мифами, в которых очевидно апокрифическое начало.

Покровителями пчел у удмуртов были Верховный бог (*Инмар*), Творец (*Кылдысин*) и бог атмосферы (*Куазь*) – пчел посылающий-направляющий, пчелами повелевающий [Владыкина, 2016, с. 147]. Она считалась детищем Христа, а оса и шершень – дьявола. По одной из легенд, слезы Христа превращались в пчел, которые улетали дарить сладость [Ванюшев, Степанова, 2019, с. 109].

Пчелы в удмуртском фольклоре имеют несколько ипостасей. Во-первых, они воспринимались в качестве божьих птиц и потому в бортевых и лирических песнях изображались как *муш папа* ‘пчелиные птахи’.

Во-вторых, пчелы считались божьими созданиями, душами безгрешных людей: *сьбълыктэм папа* ‘безгрешные птахи’, *сьбълыктэм лулъёс* ‘безгрешные души’, *Инмарен сётэм сьбълыктэм муш папа, зарни мугоръёс* ‘Богом данные безгрешные пчелиные пташки, золотые тельца’, *дун папа* ‘чистые-святые птахи’, *дунсьбълыктэм папа* ‘чистые-безгрешные птахи’, *вордымтэ нуныос* ‘не нами возвращенные детки’. В ряде примеров чувствуется влияние христианской мифологии.

В бортнических песнях в зачине употребляется звукоподражание жужжанию пчелиного роя: *дон-дон-дон / дун-дун-дун* [Чуракова, 2002, с. 126¹³]. Считалось великим грехом убить пчелу ради забавы, не поощрялась купля-продажа и раздел пчел, о точном количестве пчелиных семей чужим людям не говорили [Никитина, 1991¹⁴, с. 90–91; Владыкина, 2016, с. 149].

В-третьих, душа человека могла покидать тело в виде пчелы, бабочки, мелких животных – горностая или мыши. Г. Е. Верещагиным в свое время был записан рассказ, в котором душа человека в облике пчелы вылетела изо рта охотника во время сна на привале. Его спутник наблюдал за ней. Когда пчела вернулась, а уснувший проснулся, товарищ спросил, что он видел во сне. Тот рассказал о своем путешествии. Благодаря рассказу товарищ уснувшего разбогател: пчела залетела в дупло, в котором был спрятан клад.

Другой рассказ писателя восходит к легенде «Почему у шершней и ос нет меду?». Данная легенда время от времени повторяется в творчестве автора. Таковы основы его рассказов «Легенда о Творце мира», «Легенда о Спасителе», «Загубленная жизнь», «Скоробогат-Кашей».

В языках финно-угорской группы название пчелы так или иначе созвучно: удм. *муш* ‘пчела’, коми *муш*: *маляммуш*¹⁵ ‘медоносная пчела’. В основе слово заимствовано в общий финно-угорский период из древних индоиранских языков¹⁶.

13 Чуракова Р. А. Бортничы песни в удмуртской фольклорной традиции // Этноязыковедение Поволжья и Урала. Ижевск, 2002. С. 124–176.

14 Никитина Г. А. Пчеловодство у удмуртов в конце XIX – начале XX века // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX веках. Ижевск, 1991. С. 87–98.

15 *Маляммуш* – ма ‘мед’ + *муш* ‘пчела’ + *ля* – суффикс, обозначающий принадлежность, связь, зависимость (см.: Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. С. 169).

16 Там же.

Среди пчел выделяют *муш мумы* ‘пчелиная матка’, *зурмуш*¹⁷ ‘трутень’ или *узыри* ‘трутень’, *инмуш* ‘пчеларазведчица’, *возьмаськись муш* ‘пчела-караульщица’, *ужась муш* ‘рабочая пчела’. Кроме обычной, домашней пчелы в природе существует дикая пчела – *кыр муш*¹⁸ и *сюйын улъись муш* ‘пчела земляная’. Особое положение занимает *Инмуш* ‘князь пчел’ (букв. небесная пчела). По качествам особей выделяют *лек* (*лекасськись*) *муш* ‘злая (сердитая) пчела (пчелосемья)’.

Особо ценится социальная жизнь пчел – *муш семья* (*улы*) ‘пчелиная семья’. Считается, что пчелосемья без матки погибает.

В удмуртском языке лексема *муш* стала продуктивным словообразовательным компонентом. Благодаря ей была образована лексика пчеловодства: *мушбам* ‘сетка (пасечника)’, *мушкан тйрлыкъёс* ‘пчеловодческий инвентарь’, *мушкуды* ‘лукошко для роя, ройник’, *мушкорка* ‘омшаник’, *мушчындон* ‘дымарь’, *мушнянь* ‘перга; хлебина’, *мушподэм* ‘улей (дуплянка)’, названия насекомых *мушбёчы* ‘хрущ’ (букв. пчелиный жук); *мушбубыли* ‘пчеловидка (бабочка)’, *мушбыдтйськыбы* ‘пчелиный волк’ (букв. жук, уничтожающий пчел); *мушкион* ‘шершень’ (букв. пчелиный волк); *мушкутьёс* ‘насекомые’, *мушитул* ‘черва, детва, личинки пчел’, орнитонимы *мушбыдтйсь* ‘щурка золотистая’ (букв. уничтожитель пчел); *мушзольгыри* ‘мухоловка’ (букв. пчелиный воробей); фитонимы *муштурын* ‘люпин многолистный; Melissa, лимонная мята’ (букв. пчелиная трава); названия напитка *мушсур* ‘пиво медовое (подслащенное медом)’, букв. пчелиное пиво; название кулинарных изделий *мушьлянь* диал. ‘сырое тесто из овсяной муки на меду; медовая лепешка’, *мушник* ‘наливные шаньги, мучник, ватрушка (с начинкой из сдобного теста)’. Для обозначения прополиса в удмуртском языке используются лексемы *мушлем* букв. пчелиный клей, *мушклея* ‘прополис; пчелиный клей’, *мушсир* букв. пчелиная смола и *удорсир* (*удур* ‘леток колодного улья’ + *сир* ‘смола’).

Можно выделить несколько образов-метафор и сравнений, которые наиболее часто встречаются в удмуртских загадках.

Когнитивные метафоры возникают в результате сдвига в сочетаемости предикатных слов (переноса значения) и создают полисемию. Когнитивный метод основан на предположении, что восприятие, язык, мышление, память, действие неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – объяснения процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые и определяют сущность человеческого разума создают языковую картину мира народа.

17 Коми зур: *кальбзур* ‘майский жук’. Е. С. Гуляев сравнивает слово с марийским *шуре*: *шуремукш* ‘трутень’, мордЭ. *сарь*: *сарьмаш*, мордМ. *сар*: *сармеш* тж.

18 Удмуртский поэт-постмодернист П. Захаров опубликовал два сборника стихов с «пчелиными» названиями: «Карас: песни удмуртского шамана» (2010) и «Кыр муш» («Дикая пчела») (2015). Первый сборник построен наподобие пчелиных сот, актуализирует понятие *мед поэзии*. Стихи эзотеричны и раскрывают тайные шаманские знания. Второй сборник отличается резкими суждениями автора, колкими замечаниями. В природе *кыр муш* ‘дикая пчела’ отличается своей агрессивностью и представляет большую опасность для человека. Такими же получились и стихи поэта.

Целостный образ пчелы в удмуртских загадках создается сплетением многих признаков. Например, множественности. Пчелы метафорически сближаются со стадом. Как правило, множественность обозначается словами *сто* и *тысяча*. Ими могла быть обозначена отара или скопление людей: *Одйг гидын сюрс ыж* 'В одном хлеву тысяча овец'; *Пёчи гинэ коркан олоко́ня сюрс калыкез* 'В малюсеньком домике несколько тысяч человек'; *Одйг коркан сю бабай бордэ* 'В одной избе сто стариков плачет'. *Одйг сюлыкын сюрс ичимень. Со ма луо?* 'В одном сюлыке тысяча снох. Что это?'

Ко всему прочему, множественность пчел соотносится с песком, звездами, снегом, каплями дождя, слезами, искрами огня. Символ множественности в данных примерах выражен через отару, большое количество народа, что совсем неудивительно. Каждый знает, что в улье находится множество пчел, и только благодаря дружной, слаженной работе держится и кормится вся семья.

С другой стороны, в образе пчелы находит отражение плач и вой. Звуки, которые издают пчелы, похожи на скуление собаки (*Пичи коркан пуны бордэ* 'В маленькой избушке собака скулит'), плач ребенка или старика (*Пеймыт коркан вож нылпи бордоз* 'В темной избушке ребенок плачет', *Одйг коркан сю бабай бордэ* 'В одной избе сто стариков плачет'). Звуки пчелиной семьи воспринимаются человеческим слухом как единое целое, иногда вызывают тревожные и настораживающие мысли, говорят об опасности.

Вместе с тем с пчелиным гулом ассоциируется плач невестки. Девушку часто могли выдать замуж не по своей воле, иногда ее умыкали. Невеста могла сокрушаться о своей доле: *Пеймыт коркан (сэргын, кенсын) виль кен бордэ* 'В темной избе (в углу, клетки) молодушка плачет'; *Одйг сюлыкын сюрс ичимень. Со ма луоз?* 'В одном сюлыке тысяча снох. Что это?' В данном случае помещение – дом или клеть – обозначается частью головного убора замужней женщины, состоящий из айшона и особым образом накинутаго платка-сюлька. В таком виде он схож с ульем, выдолбленным из ствола дерева.

Обязанности невестки – выполнять хозяйственную работу: *Пеймыт сэргын виль кышно пужнйське* 'В темном углу молодушка муку просеивает'; *Пеймыт коркан си пуж керттэ* 'В темной избушке сито вяжет'; *Пеймыт коркан кенак пуж керттэ* 'В темной избушке женщина решето плетет' (ср. в марийской загадке девушка-пчела вышивает узоры: *Изи шужарем йудишочекыже турым турла* 'Сестренка моя днем и ночью вышивает узоры').

Образ пчелы в удмуртском фольклоре неизменно сопровождает птичья символика: *инмар папа* 'божья пташка'. В бортевых и некоторых лирических песнях пчелы изображались как *муш папа* 'пчелиные птахи', *сьдлыктэм папа* 'безгрешные птахи', *сьдлыктэм дутьёс* 'безгрешные души', *инмарен сётэм сьдлыктэм муш папа* 'богом данная безгрешная пчелиная пташка', *зарни мугорьёс* 'золотые тельца', *дун папа* 'чистые-святые птахи', *дунсьдлыктэм папа* 'чистые-безгрешные птахи', *вордымтэ нуныос* 'не нами возвращенные детки',

для ср.: белорусы обращаются к пчеле, как к божьей пташке или райским пташкам; в русской традиции ее также называют божьей тварью, божьей угодницей. Поляки полагали, что убить пчелу – большой грех. Ими всегда отмечалась посредническая роль пчелы между богом и дьяволом, земным и небесным. Поляки считали, что у пчелы есть душа, верили, что она жалит только грешников, что гром никогда не бьет в улей, что дьявол никогда не ест меда и не терпит запах воска.

В удмуртской загадке *Пёчи гинэ тылобурдо вань музъемез ортчоз* 'Маленькая птичка всю землю облетит' пчела приравнивается птице: они обе имеют крылышки и умеют летать.

Пчелы в удмуртской культуре могут сравниваться с разными животными, которые могут нанести вред. Так, они метафорически сближаются со змеей и рогатым скотом: *Мотор ёвёл – гурла, пилот ёвёл – лоба, кый ёвёл – лека* 'Не мотор – гудит, не пилот – летает, не змея – жалит'; *Сюрыз ке но ёвёл – лекаське* 'Рогов нет – бодается'; *Муртэ виыны турттытозь, ачиз кулэ* 'Пока другого убить пытаются, сама погибает'; *Коть малэсь ческыт, леказ ке – бордытэ* 'Сама сладкая, ужалит – плакать заставит'.

Жало пчелы – острый предмет, подобный игле, топору, стреле: *Пужъятымтэ пужы чебер, шерымтэ вень (тйр) лэчыт* 'Невышитый узор красив, неточная игла (топор) остра'. *Пужъятымтэ пужы чебер, шерымтэ вень (тйр) лэчыт* 'Невышитый узор красив, неточная игла (топор) остра', ср.: в башкирском мифологическом словаре Ф. Г. Хисамитдиновой *корт угы* – жало, мифическая стрела пчелы, с помощью которой она наносит вред здоровью человека¹⁹.

В удмуртских загадках имеются тексты о полете пчелы: *Мыноз, мыноз – пытьез уз лу.* 'Идет, идет – следов нет'. Похожую загадку могли загадать и о других явлениях природы, например, о солнце и луне: *Мыноз, мыноз – пытьез уз кылы* 'Идет, идет – следов нет' (солнце); *Мыноз, мыноз – вужерез уз лу* 'Идет, идет – тени нет' (луна).

Удивительная способность насекомых делать соты давала фантазию сравнивать их работу с женским трудом: *Пеймыт коркан си пуж керттэ* 'В темной избушке сито вяжет'; *Пеймыт коркан кенак пуж керттэ* 'В темной избушке женщина решето плетет'.

Выводы

Загадки являются своеобразными экспонентами культурно-исторической информации. В их образной семантике хранятся архетипы, мифологемы, символы, эталоны, стереотипы, которые придают культурно-смысловую емкость этим коротким игровым произведениям фольклора.

Пчела в удмуртских загадках представлена в виде сложных метафор, сравнений, эвфемизмов. Пчела и улей у удмуртов раскрываются в разных категориях. Улей чаще всего соотносится с домом, ямой и сюльком. Сама пчела ассоциируется с невесткой, которой горестно расставание с родителями и переезд в новую семью. Кроме того, для загадок о пчелах

¹⁹ Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. Москва : Наука, 2010. С. 192.

характерно сравнение с огромным количеством народа или со стадом овец. В количественном отношении гул пчелиного улья соотносится с числом сто или тысяча. Пчела издаёт звуки, которые сравниваются с рычанием мотора, плачем младенца, скулением собаки. Наряду с плачем, вылет пчел из улья сравнивается и с просеиванием муки.

Особое значение имеет умение пчелы жалить, строить соты, делать мед, что также нашло отражением в загадках.

Исследование образа пчелы в загадке через сравнения, метафоры и символы раскрывает семантику фольклорно-языковой картины мира удмуртов.

Сокращения

Диал. – диалектизм, мордМ. – мокша-мордовский язык, мордЭ. – эрзя-мордовский язык, удм. – удмуртский язык, фин. – финский язык, чув. – чувашский язык, эст. – эстонский язык.

Список литературы

Ванюшев В. М., Степанова Т. С. «Легенда о пчеле» в творческих исканиях Г. Е. Верещагина // Историко-культурное наследие Урало-Поволжья. 2019. №2. С. 109–114. EDN [MNQNGS](#)

Владыкина Т. Г. Пчела в фольклоре и мифоритуальной практике удмуртов // Традиционная культура: научный альманах. 2016. №4. С. 147–158. EDN [XBHQMP](#)

Кельмаков В. К. Пчела и мед и их названия как составные элементы гуманитарной культуры удмуртов // Пчела и мед в народной культуре. Ижевск, 2023. С. 287–319.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. Москва : URSS, 2019. 396 с. EDN [BKRGSM](#)

Пчела и мед в народной культуре: коллективная монография / сост. и отв. ред. Е. В. Попова ; Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук. Ижевск, 2023. 632 с. EDN [XDRZFE](#)

References

Vaniushev, V. M., & Stepanova, T. S. (2019). “The Bee Legend” in Artistic Explorations of G. E. Vereschagin. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Uralo-Povolzh'ia*, 2, 109-114. EDN: [MNQNGS](#)

Vladykina, T. G. (2016). The Bee in Udmurt Folklore and Mytho-Ritual Practice. *Traditional Culture*, 4, 147-158. EDN: [XBHQMP](#)

Kel'makov, V. K. (2023). Bee and honey and their names as components of the humanitarian culture of the Udmurts. *Bee and honey in folk culture*, 287-319. Izhevsk.

Kovshova, M. L. (2019). The analysis of idioms, riddles and proverbs from the perspective of language and culture studies. *Anthropomonical culture code.*, 396. Moscow: URSS. EDN: [BKRGSM](#)

Popova, E. V. (2023). Bee and honey in folk culture., 632. Izhevsk. EDN: [XDRZFE](#)

Информация об авторе

Душенкова Татьяна Рудольфовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-7143>;
e-mail: dushenkovatr@mail.ru

Information about the author

Tatiana R. Dushenkova – Cand. Sci. (Phil.), senior research fellow, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-7143>;
e-mail: dushenkovatr@mail.ru

Поступила в редакцию 22.11.2023
Принята к публикации 25.03.2024
Опубликована 27.03.2024

Received 22 November 2023
Accepted 25 March 2024
Published 27 March 2024